

13 марта 1990 года, Тисовая улица, Суррей. В крохотной спальне дома номер 4 спал мальчик с растрепанными черными волосами. Он лежал на узкой кровати, словно потерянный в мире снов. Открыв глаза, он выпустил на свет два изумрудно-зеленых лучика. Его звали Гарри Поттер, и он, без сомнения, был чужим в этом доме. Четыре человека называли этот дом, кричащий обыденностью и удушающий аккуратностью, своим. Однако, взглянув на фотографии, висевшие в прихожей, любой посторонний человек подумал бы, что здесь проживает только трое. Худая, высокая женщина, тучный мужчина с забавными усами и мальчик, походивший на своего отца, как две капли воды. Никто бы не поверил, что в этом доме живет еще один ребенок, никто бы не подумал, что Гарри Поттер обитает на Тисовой улице, 4. И все же, он был здесь. Он не был похож на своих родственников. Гарри был худым, с гибким, как у кошки, телом, в отличие от громадного, как у медведя, тела своего кузена. У него не было ни одной общей черты лица с тетей Петунией, единственной живой родственницей, кроме ее сына, то есть, конечно, если считать его таковым. Насколько было известно миру, родители Гарри Поттера погибли, когда ему было восемнадцать месяцев, и с тех пор он жил с тетей и дядей. В душе Гарри радовался тому, что так не похож на своих родственников. Вернон Дурсль наслаждался своей карьерой менеджера в буровой компании, а его жена была типичной домохозяйкой, сплетницей, у которой было слишком много свободного времени. Что касается их сына, то он был неудачником, еле-еле окончившим начальную школу, и проводил время, издеваясь над одноклассниками. Много лет назад Гарри мечтал о любви и одобрении своих родственников, надеясь, что однажды его признают членом этой семьи, какой бы неприятной она ни была. Мальчик вырос из этой нелепой фазы. Дурсли старались не замечать его, хотя, казалось, по разным причинам. Гарри не понимал, почему тетя постоянно смотрела на него с болезненным выражением отвращения и тоски, вероятно, это было связано с его матерью. Он не понимал, почему Вернон Дурсль смотрел на него со страхом и яростью в глазах. Но одно было точно: Дурсли изо всех сил старались показать Гарри, что он не был частью их семьи и никогда ею не станет. Маленькому ребенку было тяжело осознать это, но Гарри был странным образом зрелым. Он просто принял этот факт и пошел дальше, что было неестественно для ребенка его возраста. Конечно, никто не станет отрицать, что Дурсли не уклонялись от своей ответственности в обеспечении его основных потребностей. К нему всегда относились с холодным отстранением. По их мнению, Гарри не заслуживал ни капли тепла. У мальчика не было ни дней рождения, ни дорогих игрушек. Его никогда не обнимали и не поздравляли с хорошими оценками в школе. Они просто покупали ему одежду и еду, оплачивали его обучение и оставляли его в покое. Конечно, они также старались, чтобы все, что было у него, было хуже, чем у Дадли. Его одежда всегда была из вторых рук, в то время как его двоюродный брат получал модную одежду, которую он, ставший слишком толстым, не мог носить уже через несколько месяцев. Дадли разрешали ходить на плавание, покупать дорогие игрушки и развлекаться, а Гарри сидел в своей комнате. И все же, могло быть и хуже. Гарри точно знал, что это лучше, чем попасть в приют. В одном из них жил его одноклассник, и рассказывал страшилки о недоукомплектованном здании, где бегало множество голодных сирот, отчаянно надеющихся, что их усыновят. У Гарри была отдельная комната, стабильная еда и все основные потребности. После окончания школы он сделает все возможное, чтобы либо поступить в университет, либо просто найти работу, чтобы навсегда уехать с Тисовой улицы, оставив позади ненавистных существ, которых он называл своими родственниками. На данный момент Гарри смирился с увольнением своего опекуна. На самом деле, приняв, что они никоим образом не заботятся о нем, он преуспел в этом. Он косил газоны и подрабатывал по соседству, чтобы заработать на карманные расходы. Он получал хорошие оценки в школе и был известен как самый умный мальчик в своем классе. Не то, чтобы Дурслей это волновало, они только праздновали посредственные отметки своего сына. Размышления Гарри были прерваны пронзительным голосом тети Петунии:— МАЛЬЧИК! У тебя есть две минуты, чтобы спуститься, прежде чем мы пойдем в школу без тебя, и ты пойдешь пешком. Вздвогнув, Гарри посмотрел на будильник, который, казалось, застыл посреди ночи. Видя, что он почти проспал, он

напрягся и тотчас же сел. Тетя Петуния не блефовала; он узнал это на собственном горьком опыте. Поэтому мальчик быстро ответил:— Иду, тетя Петуния. Он быстро оделся и побежал по лестнице прямо к машине. Дядя Вернон уже ушел, и, как обычно, завтрака для него не было. Если он чего-то хотел, он должен был сделать это сам. Что касается Гарри, единственной едой, которую ему разрешалось есть, был ужин. Завтрак и школьный обед он готовил сам. Он быстро побежал в гараж и сел в машину тети. Она купила его специально для того, чтобы отвезти Дадли и его в школу. До большого повышения дяди Вернона дела в финансовом плане не ладились, но это было много лет назад, и теперь у Дурслей было достаточно денег, чтобы разориться на досуге. Боже, они даже подарили своему сыну непристойное количество подарков на Рождество и день рождения. Честно говоря, Гарри мог понять, что балует своего ребенка, покупая пять или около того подарков, но тридцать — это слишком много. Гарри встретил насмешливую хмурость тети бесстрастным взглядом:— Ты чуть не опоздал. Мальчик пожал плечами:— Будильник сломался. Мне нужно его заменить. — Я за него не плачу. Либо почини сам, либо купи новый на свои деньги. Гарри кивнул, не ожидая ничего другого от женщины. Тетя Петуния фыркнула и кивнула сама себе, как будто она что-то выиграла и поехала. Он проигнорировал детские насмешки своего кузена и посмотрел в окно. Дадли почему-то абсолютно ненавидел Гарри. Что ж, Гарри так, по крайней мере, предполагал. Казалось, он чувствовал отвращение родителей к своему кузену и пытался ответить тем же, единственным способом, доступным его возрасту, — насилием. До того, как он пошёл в начальную школу, толстяк был слишком мал, чтобы организовать что-либо серьезное, но когда он попытался повторить свои действия в школе, и Гарри пожаловался учителям, Дурсли заявили, что он назойливый лжец, и Дадли в итоге отделался предупреждением без каких-либо последствий. В следующий раз Гарри следил за тем, чтобы учитель был рядом, когда Дадли пытался что-то сделать. После нескольких таких инцидентов, учитель начал верить Гарри практически во всё, а учитывая его острый ум, учителя, как правило, поддерживали его. Говоря об интеллекте, учителя называли Гарри гением. Возможно, они были правы. Гарри легко давались новые знания, гораздо легче, чем его сверстникам. Отчасти это был настоящий талант, но по какой-то причине ему казалось, что он уже знает почти всё. Скорее, это было похоже на переобучение, чем на что-либо другое. Он чувствовал это, когда с невероятной скоростью выучил французский язык, но на изучение латыни ушло в десять раз больше времени. Даже сейчас он не владел им, по крайней мере, не так, как французским, которым говорил практически бегло. Да, он впечатляюще быстро освоил мёртвый язык, но это было не так же легко, как освоение французского за несколько месяцев. По правде говоря, Гарри продолжал заниматься латынью, хотя она была ему практически бесполезна, просто чтобы доказать себе, что он всё ещё умён, несмотря на всю странность его скорости обучения в других областях. Гарри знал об этом уже давно, но никому не рассказывал. Кому он мог доверить свои страхи, мечты и печали? Гарри Поттер был одинок, и этот печальный факт вряд ли изменится в ближайшее время. Да, учителя старались, но в конце концов, они были учителями начальных классов, перегруженными работой и вынужденными иметь дело с десятками детей каждый день. Даже одноклассники Гарри не хотели с ним дружить, а точнее, он сам не старался с ними дружить. Он был слишком развит, быстро уставал от их поведения и предпочитал проводить время в одиночестве, либо с книгой в руках, либо осваивая новый навык. У этих мальчишек было слишком много энергии, а у Гарри её не хватало, чтобы бегать и играть в бессмысленные игры, которые ему не нравились. Спорт был не для него, и, насколько он понимал, сбалансированная диета не давала ему набрать лишний вес. Ему не нужно было заниматься спортом, чтобы быть в форме. Дурсли вряд ли стали бы платить за какие-либо занятия, и даже если бы он записался в какой-нибудь кружок, он бы, скорее всего, каждый день ходил домой пешком, чего он совсем не хотел. И это всё без упоминания странностей Гарри, или того, что тетя Петуния называла странностями. Он понятия не имел, о чём она говорит, но учитывая, что его практически каждый день предупреждали о том, что он не должен делать никаких странностей, в этом должна была быть какая-то правда. И она была

права, вокруг Гарри часто происходили странные, невероятные вещи. Собака тётки Мардж, имя которой он уже забыл, каким-то образом стала полностью лысой и покрылась бородавками, когда пыталась догнать Гарри в саду, пока хозяйка демонстрировала эффективность своих команд, которым она научила эту дрянь. Гарри никогда не мог удержаться от довольной и смущённой улыбки, когда маленькие зверюшки внезапно начинали скулить, когда пытались его преследовать. Он также помнил, как земля превратилась в губку, когда он упал с дерева, на которое залез, и мог получить травму. Он помнил, как камни, которые Дадли и его друзья пытались бросить в него, каким-то образом возвращались обратно к своим агрессорам. Гарри предполагал, что эти странности должны были как-то защищать его. Но на десять случаев, когда эти странности случались, приходилось десять случаев, когда он действительно получал травмы. Гарри не доверял этому дикому феномену, который должен был его защищать. Честно говоря, он мог понять, почему тётка Петуния была раздражена. Его самого это пугало. Да, он пытался контролировать это, следуя художественной книге, которую он нашёл в библиотеке. Не то, чтобы существовало руководство под названием "Как управлять сверхспособностями" или что-то подобное. В любом случае, он обнаружил, что не может ничего сделать, и не хотел подвергать себя опасности ради попытки воссоздать событие, которое казалось очень случайным и хаотичным. Поэтому он оставил это в покое. Лучше однажды узнать правду от тётки Петунии, чем навредить себе, пытаясь экспериментировать с чем-то, чего он не понимал. О, тётка Петуния определённо знала об этом, и по какой-то причине именно это вызывало у неё такую неприязнь к нему. Об этом свидетельствовали её постоянные предупреждения о его "причудливости". Если бы ему пришлось угадывать, Гарри сказал бы, что у его матери тоже это было, и тётка боялась этого. Но это была, в лучшем случае, дикая догадка. Гарри заметил, что они приехали к месту назначения, и вышел из машины вместе с кузеном, чтобы идти в школу. Как обычно, Гарри с удовольствием направился к зданию, чтобы попасть на занятия. У него был урок математики, и он не хотел на него опоздать. В конце концов, это был обычный вторник в школе. Вряд ли что-то интересное случится, не так ли?